

ORDO ASCENSUS

18+

kimisuri печатает

Академия Блэкмор - Ordo Ascensus

«Автор»

2026

печатает к.

Академия Блэкмор - Ordo Ascensus / к. печатает — «Автор»,
2026

После отказа Факультета изящной словесности Минерва Сергрейв смиряется с тем, что её мечта о Королевской Академии Блэкмора так и останется несбыточной. Однако спустя несколько недель она получает письмо, в котором сообщается, что её работы всё же заинтересовали Академию - и ей предлагают пройти отбор на другое направление, о существовании которого не говорят вслух. Факультет риторики, дипломатии и высших форм коммуникаций считается самым закрытым и престижным во всём Блэкморе. Его студентов готовят к миру власти, влияния и элитного общества, а обучение проходит в условиях полной изоляции от остальной Академии. Здесь учат убеждать, подчинять, распознавать слабости и управлять людьми. Для Минервы, выросшей в доме, где её никогда не слышали, Блэкмор становится местом, где кто-то увидел в ней нечто ценное. Однако за безупречной вежливостью преподавателей, странными правилами факультета и притягательной атмосферой старой Академии скрывается что-то большее, чем обычная жизнь

© печатает к., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог - «Упрямство»	5
Глава I - «Особый интерес»	7
Глава II - «Благочестивое молчание»	11
Глава III - «Этикет власти»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Академия Блэкмор - Ordo Ascensus

Пролог - «Упрямство»

В доме пахло чаем и чем-то давно остывшим.

– Я не понимаю, – сказала мать ровно, не повышая голоса. – Ты ведь умная девочка, Минерва. Зачем раз от раза упираться, отказываться от того, что сделало бы твою, нашу жизнь лучше? Откуда в тебе это?

– Это не упрямство, – Минерва сжала пальцы на краю стола. – Это то, чем я хочу заниматься.

– Писательством? – мать устало усмехнулась. – Там нет работы. Там нет достойных партий. Там нет *денег*. Это развлечение для господ, пустая прихоть, а никак не настоящая жизнь.

Отец сидел у окна и держал чашку из сервиза прабабушки обеими руками, хотя чай в ней давно остыл. Он смотрел куда-то сквозь них – сквозь препирающихся мать и дочь – с неестественно отстраненным видом, который в последнее время всё сильнее напоминал Минерве скульптуру, а не живого человека. Снаружи затихал вечер.

– Вы ни разу не взяли даже в руки то, что я пишу, – сказала Минерва.

Голос дрогнул от злости. Вместе с ним дрогнуло пламя свечи, стоявшей на столе. Минерва намеренно задержала взгляд на огне: если смотреть достаточно долго и не отворачиваться, то, возможно, сегодня ей удастся не дать волю эмоциям и не проиграть матери эту войну.

– Знаю достаточно и без этого, – резко ответила мать. – Пера у тебя не отнять, это правда. Лишись ты чернил, писала бы плотью и кровью – тебя не переупрямить. Но этим позволяю заниматься исключительно в свободное время. Оно придёт после: сначала нужно встать на ноги и найти мужа.

– А вы? – Минерва резко повернулась к отцу, чувствуя, как начинает задыхаться от этих разговоров. – Отец, неужели вам нечего сказать?

Он вздрогнул, точно его окликнули неожиданно.

– Господь... – начал он, не отводя взгляда от окна, и Минерва сразу поняла, что больше слушать не в силах.

– Не надо. Просто не надо.

Отец сделал глоток чая и более ничего не сказал. Беззвучно поставил фарфор на скатерть. Снова и снова он оставался в сторон, Минерве было бы легче, проявляй он себя хотя бы подобно матери: там хоть слова, хоть голос, хоть живое раздражение. Его молчание она несла на себе с раннего детства – ощущение собственной несущественности, прозрачности для этого дома. Отец вспоминал о ней только тогда, когда хотел показать прихожанам благочестивую и покорную дочь.

Минерва встала так резко, что стул скрипнул по старому паркету. Когда-то он блестел свежим лаком – так рассказывала бабушка. Дом был в почёте у старой королевы, однако вот уже несколько поколений не рождалось ни одного наследника, и род пришёл в сильнейший упадок. Последним гвоздём в крышку гроба рода Сергрейв стала Эмброуз – мать Минервы, которая в юности вышла замуж за Доминика, сына крупных банкиров. Только тот, в силу великой богобоязненности, не пошёл по стопам родителей: вопреки их воле, стал служителем церкви ещё в университете, а после окончания Оксфорда принял рукоположение у знакомого викария. Единственной причиной, по которой бабушка спустила Эмброуз эту выходку с рук – Доминик согласился взять фамилию и продолжить род Сергрейвов.

– Вы меня не слышите, – сказала Минерва, болезненно потирая виски. – Никогда не слышали.

Мать вздохнула устало и раздражённо.

– Ты драматизируешь, Минерва. Уйди с глаз долой, успокойся. Так не пристало вести себя, даже если ты и не полноправная леди.

Минерва поняла окончательно: её родители не услышат, даже если она будет кричать. Им попросту неинтересно, довольна ли дочь тем будущим, что ей предлагают. Чтобы не потерять последние крупницы самообладания, она болезненно сжала руки в кулак. С гордо поднятой головой, как учила бабушка, Минерва сделала реверанс перед родителями и удалилась.

Дверь хлопнула так, что задрезжала посуда.

Глава I - «Особый интерес»

Рукопись была тяжёлой и по весу, и по ощущению внутри. Минерва безоговорочно гордилась своим трудом: прижимала работу к себе с трепетом, точно под недорогим переплётом, который она сшивала собственноручно последние несколько ночей, было нечто большее, чем бумага с чернилами.

Так оно и было. Именно эта рукопись, по её убеждению, являлась единственным шансом – билетом в Академию Блэкмора.

Академия возвышалась над городом так, словно её возвела сама тень. Архитектура Блэкмора напоминала одновременно собор, крепость и усыпальницу старого рода: вытянутые стрельчатые окна поднимались узкими рядами, будто само здание тянулось к серому небу, а массивные стены, потемневшие от дождей и времени, выглядели так, точно простояли здесь дольше, чем помнил сам город. На карнизах сидели гаргульи с истёртыми мордами, и Минерве всё время чудилось, будто одна из них провожает её взглядом.

Когда она прошла через высокие кованые ворота, украшенные переплетением металлических шипов и выцветшими гербами Академии, шаг невольно замедлился. Перед ней открылся огромный внешний двор, настолько широкий, что человеческие фигуры на его фоне казались незначительными. Окружающие корпуса, соединённые длинными галереями и аркадами, смыкались вокруг пространства каменным кольцом. В центре стоял старый фонтан с почерневшими фигурами, чаша давно высохла, и даже голоса студентов, пересекавших площадь с книгами под мышкой, звучали здесь приглушённо – словно воздух поглощал лишние звуки.

Минерва крепче прижала к груди рукопись и продолжила идти, стараясь не смотреть по сторонам слишком откровенно, хотя взгляд сам цеплялся за бесконечные ряды окон, за тяжёлые балконы и статуи давно умерших ректоров, чьи каменные лица наблюдали за двором с такой холодной неподвижностью, точно ещё имели здесь власть.

Главный вход находился в глубине центрального корпуса: к нему вела широкая лестница из тёмного камня, отполированного тысячами шагов до тусклого блеска. Высокие дубовые двери оказались настолько массивными, что Минерве пришлось навалиться на одну из створок плечом, прежде чем та поддалась, открывая прохладный полумрак внутренних залов.

Внутри Академия казалась ещё больше, чем снаружи. Высокие сводчатые потолки терялись где-то наверху, между переплетениями острых стрельчатых арок, а длинные коридоры расходились в разные стороны так запутанно, что уже через несколько минут Минерва перестала понимать, насколько далеко ушла от входа. Сквозь высокие витражные окна в помещение проникал мутный дневной свет, окрашивая каменный пол размытыми пятнами бордового, золотого и тёмно-зелёного, а в воздухе стоял устойчивый запах старой бумаги, пыли, свечного воска и сыроватого дерева.

Несколько раз ей приходилось останавливаться у развилок, пытаясь разобраться в бронзовых указателях, прикрученных к стенам: коридоры Академии, казалось, были нарочно устроены так, чтобы человек чувствовал себя потерянным. Мимо проходили студенты в тёмной форме, преподаватели в длинных мантиях и вечно куда-то спешащие служащие с охапками документов – никто не обращал на неё внимания, точно она уже растворилась среди каменных стен Блэкмора, превратившись в ещё одну незаметную фигуру в этом огромном древнем порядке.

Поднявшись по широкой лестнице с холодными каменными перилами, Минерва наконец заметила небольшую медную табличку с надписью «Приёмная комиссия» – она висела возле узкого коридора, уходящего в сторону от главного зала.

Здесь стало заметно тише. Шаги звучали глуше, воздух казался тяжелее. В приёмной пахло чернилами и старым деревом; пыль в просветах солнечного света мягко мерцала, похожая на что-то невесомое и нездешнее. Минерва закашлялась и прошла к столу. Секретарь за ним даже не поднял глаз от бумаг.

– Факультет?

– Изящной словесности, – ответила девушка.

Он коротко кивнул, по-прежнему не отрываясь от документов, после чего указал пером на одну из многочисленных стопок рукописей, лежавших у края стола. Минерва осторожно положила свою работу сверху, на мгновение задержав ладонь на тёмном переплёте – точно этим прикосновением ещё могла удержать её при себе – а затем медленно убрала руку и вышла из приёмной, стараясь не думать о том, что её судьба теперь лежала среди десятков чужих текстов, сложенных друг на друга без всякого порядка.

Следующие две недели тянулись мучительно медленно, однако к концу второй Минерва почти перестала ждать ответа, убедив себя, что молчание Академии само по себе является отказом. Когда письмо наконец пришло, она сначала приняла его за счёт или деловое уведомление для матери: конверт выглядел слишком строгим и официальным, лишённым малейшей попытки придать ему торжественность. Плотная тёмная бумага, тяжёлая сургучная печать и её имя, выведенное аккуратным ровным почерком без единой ошибки, почему-то заставили сердце забиться быстрее ещё до того, как она вскрыла конверт.

Минерва разорвала край ногтем и пробежалась глазами по первым строкам.

«Уважаемая мисс Минерва Сегрейв,

Экзаменационная комиссия Королевской Академии Блэкмора ознакомилась с Вашими вступительными работами...»

Буквы вдруг начали расплываться перед глазами, а собственный пульс показался ей настолько громким, что она едва улавливала смысл написанного.

«...не соответствуют требованиям Факультета Изящной словесности...»

Минерва почувствовала, как внутри всё тяжело провалилось вниз, и машинально сглотнула, уже готовясь дочитать очередной вежливый отказ – но следующее слово заставило её остановиться.

«...однако...»

Она перечитала его дважды, опасаясь, что ошиблась.

«...ряд членов Совета отметил в них качества, представляющие для Академии особый интерес...»

Пальцы, сжимавшие письмо, заметно дрожали.

«...предлагается пройти собеседование на альтернативное направление обучения...»

Дочитав до конца, Минерва медленно сложила лист обратно, всё ещё не понимая, что именно чувствует. Отказ оставался отказом, но за ним впервые в жизни следовало нечто совершенно иное – не равнодушное «нет», а нечто, похожее на возможность. Её заметили.

В доме в тот вечер было непривычно тихо. Отец, как обычно, молился у себя в комнате, и приглушённый звук его голоса едва доносился через приоткрытую дверь. Мать сидела в кабинете за узким столом, просматривая счета при свете лампы с зелёным стеклянным абажуром: чернильница стояла открытой, рядом лежало отложенное перо, а сама она спокойным ровным голосом диктовала что-то приказчику, замершему у двери с блокнотом в руках – с той будничной уверенностью, с какой обсуждают погоду или стоимость ткани на рынке.

– Передайте поставщику, что цена меня не устраивает. Пусть пересмотрят условия. Приказчик молча кивнул и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Минерва осталась стоять посреди комнаты с письмом в руках, чувствуя странную, почти непривычную радость, рождавшуюся вопреки отказу: впервые за долгое время кто-то увидел в её текстах нечто достойное внимания, а не пустую детскую прихоть.

Она перечитала письмо ещё раз, задержав взгляд на словах «особый интерес» – они выглядели удивительно лестно, хотя за ними, вероятно, скрывалось что-то куда более сложное. Аккуратно сложив лист, Минерва поймала себя на мысли: *её выбрали*, пусть причины этого выбора Академия пока оставляла при себе.

Глава II - «Благочестивое молчание»

Письмо лежало на столе уже почти час. За это время мать успела закончить работу со счетами, приказчик ушёл, а лампа с зелёным абажуром наполнила кабинет тяжёлым желтоватым светом – и всё же Минерва по-прежнему стояла возле двери, сжимая сложенный лист в пальцах так крепко, точно стоило ослабить хватку – и всё исчезнет.

Мать первой подняла на неё взгляд.

– Ты так и будешь молчать? – устало спросила она, откладывая перо. – Или произошло что-то настолько важное?

Минерва почувствовала, как сердце снова начинает биться быстрее.

– Мне пришёл ответ из Академии Блэкмор.

Отец, сидевший в кресле у окна с раскрытой Библией в руках, поднял голову. Мать несколько секунд внимательно смотрела на неё, словно заранее пытаясь угадать результат.

– И?

Минерва сделала вдох.

– Меня пригласили на альтернативное направление.

В комнате повисла тяжёлая тишина – без удивления, без радости, лишь напряжённое молчание, когда каждый уже понимает, что разговор неизбежно закончится плохо.

Мать медленно протянула руку.

– Дай письмо.

Минерва послушно подошла и вложила лист в её ладонь. Мать пробежала по тексту быстро, почти равнодушно, однако Минерва успела заметить, как на словах *«индивидуальный отбор»* и *«повышенная ответственность»* её брови едва заметно нахмурились.

– Это не факультет изящной словесности, – произнесла она наконец.

– Я знаю.

– И что именно за направление?

– Здесь не написано.

– То есть ты собираешься ехать неизвестно куда, потому что какие-то люди решили проявить к тебе *«особый интерес»*?

Последние слова она произнесла с лёгкой холодной насмешкой – сама формулировка, судя по всему, казалась ей подозрительной. Минерва почувствовала знакомое раздражение, ещё бы её мать поверила, что она особенная!

– Это всё ещё Блэкмор.

– Блэкмор остаётся Блэкмором даже тогда, когда предлагает сомнительные программы обучения?

– Почему сразу сомнительные?

– Потому что порядочные факультеты не скрывают, чему именно собираются учить студентов. И, само собой, не берут объедки, которым отказали на других факультетах!

Отец медленно закрыл книгу.

– Возможно, стоит сначала всё выяснить, – спокойно сказал он. – В Писании сказано, что «всякому делу под небом есть своё время». Поспешного решения принимать не нужно.

Минерва закатила глаза и резко повернулась к нему.

– А если я уже приняла?

Он снова замолчал и погрузил взгляд в Библию. Это молчание выводило из себя сильнее материнской холодности. Мать снова посмотрела в письмо.

– *«Обязательное проживание»*.

В том, как она произнесла это, прозвучало нечто новое – не просто холод, а какая-то другая, незнакомая Минерве жёсткость. Мать продолжила вслух.

– «*Полное академическое погружение*». Как интересно. Что за ересь.
– Но для престижной Академии это совершенно в порядке вещей, матушка.
– Нет, Минерва. Это не порядок вещей.
– Для вас всё вне порядка вещей, если это не связано с цифрами, церковью или тем, как прожить как можно более скучную жизнь.

Отец нахмурился.

– Не разговаривай с матерью в таком тоне. Почитай отца твоего и мать твою, Минерва!

– А в каком тоне мне разговаривать? – голос Минервы дрогнул. – Вы хоть раз пытались понять, почему это важно для меня?

– Мы пытаемся понять, почему ты так отчаянно цепляешься за вещи, которые не дадут тебе нормального будущего, – резко ответила мать.

– Это вы так решили.

– Конечно! Ведь я взрослая женщина, которая понимает, как устроен мир.

– Нет. – Минерва почувствовала, как внутри что-то окончательно надламывается. – Ты просто считаешь, что всё в мире должно приносить выгоду. Тебе.

Мать медленно поднялась из-за стола.

– Что плохого в желании для своей дочери стабильной жизни?

– То, что вы никогда не спрашивали, какой жизни хочу я.

Отец тяжело вздохнул.

– Господь не всегда ведёт нас туда, куда нам хочется, ибо пути Его неисповедимы.

Минерва тихо рассмеялась, и в этом смехе не было ни веселья, ни злорадства – только усталость от разговоров, в которых её никогда по-настоящему не слышали.

– Вот именно поэтому я и не хочу жить так, как вы.

В комнате повисла тишина. Мать смотрела на неё долго, внимательно, уже без раздражения; в глазах читался абсолютный холод. Казалось, перед ней стояла незнакомка, случайно занявшая место дочери.

– Ты никуда не поедешь, пока мы не получим больше сведений об этом факультете.

– Я уже решила.

– Нет, – спокойно произнесла мать. – Пока ты живёшь в этом доме, подобные решения принимаются исключительно мной и отцом.

Минерва почувствовала, как пальцы начинают дрожать, а голос – надламываться.

– Вы не можете мне запретить.

– Можем.

– Мне уже восемнадцать.

– И ты всё ещё зависишь от нас.

Последнее прозвучало почти безэмоционально. Минерва сделала шаг назад, ища опору.

– Я всё равно уеду.

Мать устало прикрыла глаза.

– Отведи себя в комнату и успокойся.

– Нет.

– Минерва Сегрейв.

– Вынуждена отказать, уважаемая леди Эмброуз Сегрейв.

Отец поднялся первым. Он подошёл к ней без грубости, даже осторожно, словно всё ещё надеялся решить происходящее мирно.

– Блаженны миротворцы, Минерва. Сейчас не время для истерии.

– Это не истерия.

– Тогда прекрати вести себя как ребёнок!

Отец с нажимом положил ладонь ей на плечо. Минерва отшатнулась от его прикосновения.

– Вы просто боитесь, что я наконец сделаю что-то без вашего разрешения.

Мать резко шагнула ближе.

– Довольно!

Через несколько минут дверь её комнаты уже была заперта снаружи. Минерва долго стояла посреди спальни, не двигаясь и глядя на полоску света под дверью, не до конца веря в произошедшее. Родители никогда раньше её не запирали, и именно поэтому вместо паники или слёз внутри вдруг разлилось удивительное спокойствие – точно этим поступком они наконец вслух сказали то, что Минерва чувствовала много лет: в их доме её любили лишь до тех пор, пока она оставалась удобной.

Она медленно подошла к окну – уже темнело. Сад за домом растворился в синеватом вечернем сумраке, а в окнах первого этажа всё ещё горел свет, отражаясь на густой траве палисадника. Минерва опустила взгляд на письмо, лежавшее на кровати. Потом перевела его на шкаф.

Решение пришло почти сразу – настолько ясно и естественно, точно она приняла его задолго до этого вечера, просто до сих пор боялась признаться себе. Она достала из-под кровати старый дорожный саквояж с потёртыми металлическими застёжками, когда-то принадлежавший бабушке, и начала быстро складывать вещи, стараясь брать только самое необходимое. Несколько платьев, тёплую шерстяную кофту, тетради, чернила, запас перьев и недавно начатую рукопись, аккуратно завернутую в ткань. Последним она взяла старый карманный медальон с фотографией, совсем маленькой. На ней Минерве было лет семь, и родители ещё улыбались рядом с ней так, будто действительно были семьёй. Она несколько секунд смотрела на снимок, а затем убрала его внутрь саквояжа.

Выбраться через окно оказалось легче, чем она ожидала. Крыша пристройки находилась достаточно близко: до неё можно было осторожно перелезть, удерживаясь за старый плющ вдоль стены, который неожиданно выдержал её вес. Когда ноги наконец коснулись земли, Минерва впервые за весь вечер по-настоящему вдохнула. Страх перемешался с лёгкостью так тесно, что их уже было трудно различить. Она не оглянулась на дом: один лишний взгляд на освещённые окна мог оказаться сильнее решимости.

До ближайшего почтового двора Минерва добралась уже глубокой ночью, когда улицы почти опустели, а редкие фонари лишь размыто освещали мокрую мостовую. Старый саквояж оттягивал руку всё сильнее с каждым кварталом, однако куда тяжелее была мысль о том, что назад дороги уже не будет. На станции пахло сыростью, лошадиным потом и углём. Несколько уставших экипажей стояли под навесом, пока кучера лениво переговаривались у тусклого фонаря. Когда Минерва назвала Блэкмор, один из мужчин сначала окинул её долгим недоверчивым взглядом – явно пытаясь понять, что молодая девушка делает одна посреди ночи с дорожными вещами – однако лишних вопросов задавать не стал: только назвал цену и велел ждать отправления.

Денег оказалось болезненно мало. Минерва расплачивалась дрожащими пальцами, понимая, что после этой поездки у неё практически ничего не останется. Скудость оставшихся монет почему-то окончательно убедила её в реальности происходящего.

До Академии Блэкмора путь занял весь следующий день. К тому моменту, когда экипаж остановился у ворот, Минерва чувствовала себя измученной, почти не спавшей и с трудом верящей в собственный побег. Блэкмор встретил её с тем же равнодушным величием, что и во время подачи рукописи: высокие башни терялись в тумане, стрельчатые окна чернели на фоне серого неба, внутренний двор казался чужим и холодным, точно Академия существовала отдельно от остального мира. На этот раз её повели в жилой корпус факультета, расположенный в северо-западном крыле, за цепью внутренних переходов, в стороне от шума центральных залов.

От центральных ворот путь к факультету петлял через череду дворов, каждый из которых будто проверял пришедшего на терпение. Сначала открывался Большой двор с высохшим фонтаном и главным корпусом на восточной стороне; за ним тянулась крытая аркада, ведущая к библиотечной башне, откуда расходились два каменных рукава Академии. Южный уходил к факультетам наук и изящной словесности – более светлым и людным, а северо-западный постепенно темнел, сужался и поднимался к Блэкмор-холлу, где располагались аудитории, столовая и общежитие факультета, на который пригласили Минерву.

Жилое крыло называли общежитием Блэкмора, хотя это слово плохо подходило к зданию, похожему на отдельный готический колледж внутри Академии. Оно стояло вокруг собственного замкнутого двора: четыре высоких корпуса с зубчатыми парапетами, узкими стрельчатыми окнами и крытыми галереями образовывали каменный прямоугольник, в центре которого рос мрачный тис. Под арками шли переходы к аудиториям, столовой, умывальным комнатам, комнате дежурных и маленькой часовне без алтаря, где по вечерам студенты спорили вполголоса, делали записи или просто сидели у стен, прячась от сквозняков.

В отличие от города с его разными эпохами и фасадами, Академия словно признавала единственный язык камня: остроконечные арки, нервюрные своды, башенки, тёмные карнизы, статуи с длинными лицами и окна, вытянутые так высоко, что стены казались стремящимися к небу. Даже новые пристройки имитировали старую готику с такой тщательностью, что Минерва быстро перестала понимать, где древняя кладка, а где свежий камень, намеренно состаренный дождём, копотью и чужими руками.

Молодая женщина в тёмной форме, представившаяся помощницей куратора, вела её по длинным коридорам, почти не разговаривая.

– Ваше обучение в случае успеха начинается завтра утром, – произнесла она ровным голосом. – Сегодня состоится только общее собрание первого курса и собеседование.

Минерва кивнула, стараясь запомнить путь. Коридоры казались бесконечными, а одинаковые арки, лестницы и тёмные переходы постепенно начинали сливаться, так что уже через несколько минут она перестала понимать, сможет ли самостоятельно найти дорогу назад. Чем дальше они уходили от центральных залов Академии, тем тише становилось вокруг. Постепенно исчезли случайные студенты других факультетов, широкие лестницы сменились более узкими переходами, а окна стали встречаться всё реже.

– Это отдельный корпус? – не выдержала Минерва.

– Факультет риторики, дипломатии и высших форм коммуникации располагается в автономном крыле Академии.

Ответ прозвучал так ладно, будто его повторяли десятки раз. Наконец женщина остановилась возле высокой деревянной двери.

– Ваша комната.

Помещение оказалось небольшим, но удивительно уютным по меркам Блэкмора: узкая кровать под тёмным балдахином, письменный стол у окна, шкаф, медный умывальник и книжные полки, пока ещё пустые. На кровати уже лежали аккуратно сложенные вещи – форма факультета. Минерва осторожно коснулась ткани.

Чёрный жакет из плотной ткани с тёмно-бордовыми вставками на манжетах и воротнике выглядел куда строже и дороже, чем она привыкла видеть и носить, а длинная юбка почти того же глубокого винного оттенка мягко переливалась в свете лампы. Рядом лежала белая рубашка с жёстким высоким воротником и тонкий чёрный галстук, скреплённый серебряным зажимом с гербом факультета – двумя серебряными змеями, обвивающими узкий вертикальный меч. Здесь же находились учебные материалы: расписание, несколько толстых тетрадей в кожаных переплётах, список обязательной литературы и тонкая металлическая карточка с выгравированным именем. Минерва провела пальцами по буквам.

«Минерва Сегрейв».

Выгравированное на металле имя выглядело настолько официально и окончательно, что у неё на мгновение возникло волнующее ощущение, будто Академия уже успела присвоить её себе, даже не начав обучение.

– Через час начинается собрание, – сказала помощница куратора. – Вам следует переодеться.

Через пару секунд как она ушла, Минерва заметила узкую доску объявлений возле двери. Там висело расписание дежурств: утренняя уборка галерей, сортировка книг в малой библиотеке, работа при столовой, помощь архивариусу, доставка корреспонденции между корпусами и вечерний обход ламп. Студенты, получавшие полную стипендию, были обязаны отдавать общественному труду от десяти до пятнадцати часов в неделю. Для тех, чьи семьи оплачивали обучение и проживание полностью, такие смены оставались добровольными и потому почти всегда заканчивались чужими именами в списках.

Минерва задержалась у доски дольше, чем собиралась. Вечерняя жизнь общежития, судя по этим строкам, существовала по строгому внутреннему распорядку: кто-то натирал каменные ступени песком, кто-то относил тяжёлые кипы бумаг в преподавательское крыло, кто-то после ужина мыл длинные столы в столовой, а самые младшие стипендиаты носили уголь к каминам и меняли свечи в галереях. За закрытыми дверями Блэкмор продолжал работать даже после лекций – власть здесь, возможно, начиналась с речи, но держалась на чужих руках, уставших спинах и именах в дежурных книгах.

Когда дверь закрылась, Минерва ещё несколько секунд стояла посреди комнаты, прислушиваясь к непривычной тишине. Здесь никто не спорил с ней, не называл её мечты бесполезными и не пытался решать за неё. Именно в этой тишине Минерва впервые по-настоящему почувствовала собственное одиночество.

К началу собрания главный зал факультета уже был почти заполнен. Высокое помещение напоминало одновременно лекционную аудиторию и церковный неф: длинные ряды деревянных скамей поднимались полукругом, а над ними тянулись узкие окна, сквозь которые вечерний свет проникал тонкими бледными полосами. В воздухе пахло свечным воском, чернилами и сыростью старого камня. Минерва осторожно прошла вдоль стены, чувствуя на себе чужие взгляды. Большинство студентов разговаривали между собой так, будто уже давно знали друг друга. Некоторые выглядели откровенно богатыми, другие – спокойными и уверенными в себе, однако почти каждый человек в этом зале производил впечатление того, кто с самого начала принадлежал Блэкмору куда больше, чем она.

Свободное место нашлось ближе к середине. Минерва села, стараясь не привлекать внимания, однако уже через несколько секунд почувствовала рядом движение. Кто-то опустился на соседнюю скамью.

– Полагаю, вы здесь впервые.

Голос прозвучал негромко и удивительно спокойно. Минерва повернула голову. Парень рядом выглядел старше большинства первокурсников, хотя дело, вероятно, заключалось в выражении лица. Тёмные волосы падали ему на лоб с небрежностью, подчёркивавшей аккуратность остального облика; форма сидела безупречно, а внимательный взгляд серых глаз вызывал неловкость – точно он видел каждого насквозь и подмечал каждую деталь.

– Неужели это настолько заметно? – тихо спросила Минерва.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

– Большинство новых студентов стараются выглядеть увереннее, чем чувствуют себя на самом деле. Вы же смотрите на этот зал так, будто всерьёз размышляете, стоит ли остаться.

Минерва уже собиралась ответить что-то резкое, когда заметила, что парень держит в руках тонкую тетрадь, исписанную аккуратным почерком. На полях между строк темнели нарисованные символы, смысл которых она не успела разобрать.

– Эллиотт Ситри, – представился он, закрывая тетрадь.

Минерва помедлила всего секунду.
– Минерва Сегрейв.

Глава III - «Этикет власти»

Главный зал факультета постепенно затихал, хотя ещё несколько минут назад под высокими сводами стоял негромкий гул – обрывки разговоров, сдержанный смех, звук отодвигаемых деревянных скамей. Теперь напряжение, прежде растворённое в общем шуме, медленно сгущалось, становясь ощутимым, и Минерва, сидевшая ближе к середине зала, всё острее чувствовала собственную неуверенность среди этих людей, которые, при всей одинаковости положения, смотрелись в роли студентов Блэкмора куда органичнее, чем она.

Само помещение производило неоднозначное впечатление – академического и почти религиозного одновременно. Высокие стрельчатые окна поднимались так далеко вверх, что вечерний свет, проникавший сквозь мутное стекло, не достигал потолка, растворяясь среди тёмных балок и каменных арок, а длинные ряды скамей, расходящихся полукругом вокруг кафедры, напоминали скорее неф старого собора, чем университетскую аудиторию. Вдоль стен тянулись узкие бордовые полотна с серебряным гербом факультета – двумя змеями, обвивающими узкий вертикальный меч. Чем дольше Минерва смотрела на этот символ, тем сильнее ей казалось, что в мече она начинает видеть себя, а змеи – всё это элитарное общество вокруг. Куда только подевался желанный факультет Изящной словесности?

Элиотт, сидевший рядом, выглядел так спокойно, словно происходящее не вызывало у него ни малейшего волнения. Он лениво перелистывал страницы своей тетради, изредка делая короткие пометки, и эта невозмутимость напрягала Минерву против её воли: сама она ощущала себя здесь совершенно неуютно, белой вороной..

Когда дверь за кафедрой наконец открылась, разговоры мгновенно стихли. В зал вошёл высокий мужчина в длинной чёрной мантии с тёмно-бордовой отделкой. Движения его были спокойными и неторопливыми, однако в нём ощущалась особая собранность и внутренняя власть. Волосы уже заметно поседели, но голос оказался ровным, глубоким и удивительно чётким – каждое произнесённое им слово буквально отпечатывалось в памяти.

– Добрый вечер, господа студенты, – произнёс он, окинув аудиторию внимательным взглядом. – Позвольте прежде всего поздравить многих из вас с поступлением на Факультет риторики, дипломатии и высших форм коммуникаций Королевской Академии Блэкмора.

Минерва заметила, как несколько человек вокруг невольно выпрямились. Поступлением? Выходит, только ей ещё предстояло пройти собеседование?

– Некоторые из вас, полагаю, уже слышали неофициальное название факультета, – продолжил мужчина, и в его голосе мелькнула едва заметная усмешка. – «Этикет власти».

По залу прошёл приглушённый смешок, однако преподаватель не изменился в лице.

– Вынужден признать, что данное определение не лишено известной точности.

Элиотт рядом едва заметно улыбнулся, не поднимая глаз от тетради.

– В течение ближайших лет вам предстоит изучать искусство речи, дипломатию, социальную коммуникацию и природу человеческого поведения – ибо власть, господа студенты, начинается задолго до того, как человек получает титул, должность или состояние. Подлинная власть всегда начинается со способности влиять на восприятие окружающих.

Он медленно прошёлся вдоль кафедры.

– Вы научитесь убеждать, анализировать, формировать доверие, вести переговоры, распознавать ложь и управлять общественным мнением, сохраняя при этом полный контроль над собственными словами, эмоциями и намерениями. Учебная программа факультета предполагает интенсивную практику устной и письменной речи, моделирование переговорных ситуаций и работу в условиях социальной изоляции. Именно поэтому проживание на территории факультета является обязательным условием обучения.

Минерва почувствовала, как напряжение вокруг неё снова сгустилось – теперь куда более осязаемое, точно змеи с герба уже подобрались к её рёбрам.

– В целях формирования устойчивых коммуникативных навыков и исключения внешних влияний выход за пределы территории факультета допускается исключительно по письменному разрешению администрации; корреспонденция проходит проверку на соответствие учебным задачам; общение с иными факультетами считается нежелательным; присутствие посторонних лиц в жилом корпусе – запрещено.

Всё это он произнёс тем же спокойным тоном, словно перечислял самые естественные установления, однако Минерва неожиданно поймала себя на мысли, что ни одному порядочному факультету не требовалась настолько жёсткая огорожённость собственных студентов. Словно почувствовав общее настроение аудитории, преподаватель остановился и продолжил мягче:

– Со временем вы поймёте, что подобные ограничения связаны со спецификой самой программы – искусство влияния требует дисциплины, а дисциплина невозможна в условиях постоянного внешнего шума.

Минерва медленно отвела взгляд к высоким узким окнам. Сбежав из дома, где её постоянно ограничивала деспотичная мать и где рядом молчал холодный, отстранённый отец, она оказалась в Академии с жёсткими правилами и камнем, похожим на отцовское молчание – только без цитат из Библии.

– В конце первого семестра вам предстоит пройти АКС – Аттестацию коммуникативных способностей, – продолжил мужчина после короткой паузы. – Результаты данной аттестации определяют уместность вашего дальнейшего обучения и возможность допуска ко второму этапу программы.

В сочетании с общей атмосферой факультета название аттестации звучало несколько непривычно, однако Минерва решила, что в Блэкморе, вероятно, даже обычным экзаменам любят придавать излишнюю торжественность.

– До этого момента ваша задача предельно проста: наблюдать, учиться и делать выводы – ибо слова, господа студенты, всегда являются формой власти, независимо от того, осознаёт это человек или нет.

После выступления студентов начали вызывать по фамилиям для индивидуальных собеседований, и к тому моменту, когда очередь дошла до Минервы, напряжение внутри неё стало почти физической тяжестью под рёбрами. Она ожидала сложных вопросов, проверки знаний или обсуждения своей рукописи. Когда двери кабинета закрылись за её спиной, она с усилием заставила себя перестать перебирать пальцами подол юбки и перевела взгляд на присутствующих.

В комнате находились трое преподавателей. Пожилой мужчина с тонкими серебряными очками неторопливо просматривал бумаги, женщина с идеально прямой осанкой внимательно наблюдала за Минервой, а молодой преподаватель делал пометки в длинном тёмном журнале.

– Мисс Сегрейв, – спокойно произнесла женщина. – Присаживайтесь.

Минерва осторожно села напротив, чувствуя, что её действия внимательно оценивают ещё до начала разговора. Несколько секунд никто не говорил.

– Вы прибыли в Академию несколько раньше официального срока заселения и сделали это самостоятельно, без сопровождения, – наконец заметил мужчина в очках, поднимая взгляд от документов. – Подобное решение требует определённой... решительности.

Минерва не знала, следует ли воспринимать это как похвалу.

– За последние часы мы наблюдали за вашим поведением на территории Академии, мисс Сегрейв, – продолжила женщина безупречно вежливым тоном, от которого у Минервы вопреки всему нарастала тревога. – Нас интересовали ваши реакции на незнакомую среду, способность привыкать к новым условиям, особенности поведения с людьми и уровень наблюдательности.

Минерва почувствовала, как внутри всё неприятно напряглось.

– Простите... вы всё это время наблюдали за мной?

– Разумеется, – спокойно ответил молодой преподаватель, словно речь шла о чём-то совершенно естественном. – Факультет риторики и дипломатии предполагает несколько иной подход к отбору студентов, нежели большинство направлений Академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.